

ФИГУРА В КОНЦЕ АЛЛЕИ

Нелидовского поэта Петра Бобунова хорошо знали и в нашем городе, особенно любители литературы и поэзии. Он не раз бывал здесь на поэтических встречах в библиотеке. Читал свои стихи в День города в андреапольском парке. Сделал целые серии снимков с этих встреч и, когда выкладывал их в соцсетях или щедро делился со знакомыми, наши люди узнавали свои лица в удачно схваченном кадре. Его стихи слушали с удовольствием, потому что они были полны доброго юмора. В нашей библиотеке и у некоторых андреапольцев есть его книга «Шведский стол». Стихи Бобунова печатались в газете «Светлячок» и «Западный форпост», которые есть в Андреаполе.

Когда он серьезно заболел, андреапольские знакомые часто спрашивали меня: «Как там Пётр?». И были почти по-родственному огорчены, когда узнали о его кончине. Пусть эти строки ещё раз напомнят поэта и хорошего человека всем знавшим его.

...Этот момент мы с подругой до сих пор вспоминаем. И до сих пор сомневаемся в выводах. Что это было? Иллюзия, оптический обман, обусловленный законами физики? Или всё-таки нам въявь предстал истинный облик нашего уходящего товарища, его большая душа?..

В соседний городок я приехала с презентацией своей третьей книги. Ну и, конечно же, повидаться с теми, с кем связана крепко многолетней дружбой. Был в моих планах и визит к тяжело больному другу, тяжело настолько, что уход его был предрешен. Как говорится, вопрос времени. И это пугало. По телефону и интернету общались с ним плотно, правда, в скайп в последнее время он уже не выходил. Но одно дело — общение на расстоянии, совсем другое — сесть с ним рядом, глаза в глаза. Нелёгкое дело смотреть в глаза обреченному. Нелёгкое для обеих сторон.

Позвонила. После минутного молчания назначил встречу на завтра, после обеда. Как выяснилось потом, его заботило приведение в приличествующий перед приёмом гостей вид своего холостяцкого жилища. Самому это было уже не под силу. Помогли приехавшие на побывку дочки. Какие мелочи, подумалось, разве это важно. Но после поняла: для него — важно.

Город знала плохо, поэтому, преодолев внутренний страх, со мной отправилась и подруга. Тоже ведь были хорошо знакомы.

Длинная прямая Пионерская улица располагалась за рекой Семиковкой. Шли по ней долго. Вид, надо сказать, имела эта улица диковатый. Пустынная, с неухоженными тротуарами, когда-то обсаженная деревьями, превратившими её в аллею. За разговорами не заметили, когда в конце этой аллеи появилась крупная, почти двухметровая мужская фигура. И чем больше мы приближались, тем заметнее росла фигура. Складывалось впечатление, что этот гигант поджидает именно нас.

— Чего ему надо? Может, как-нибудь обойдём этого человека? — заволновалась я. Как-то не очень хотелось столкнуться с незнакомым и таким большим чужаком в совсем безлюдном месте.

— Нет, тут никак не обой-

дешь, — предупредила мой неудавшийся маневр подруга, — там, где он стоит, как раз перпендикуляр, соединяющийся с Лесной, куда нам и надо.

Мы так и шли прямо на эту фигуру, внимательно в неё всматриваясь.

— Слушай, манеры у этого мужика, как у Петра, не рост и массивность, подумала бы, что он.

— Да ну, что ты, этот гигант не может быть Петей. И мне что-то боязно. И чего он тут встал, прямо на нашей дороге?

Фигура сделала нам приветственный жест. И мы, ещё сопротивляясь иллюзии, с трудом, но всё-таки перепрограммировали свое сознание: «огромный» мужчина и был нашим невысоким и худощавым другом.

Он радостно зашагал нам навстречу. Во дворе, как истинный джентльмен, сорвав с куста две диких белых розы, протянул каждой из нас и пригласил в дом.

В тот день он, сам удивляясь этому, чувствовал себя отменно. Ни разу не возник мучающий кашель, и сил будто прибавилось. Показал нам свою квартиру, обжитую так, как это делают холостяки. Женские вкусы и пристрастия явно не вмещались в мужские идеи обустройства хором. Какая женщина позволила бы украсить своё жилище межкомнатной дверью, похожей на вход в восточный дворец, сооруженной из фанеры и раскрашенной яркими красками. Задумка, которую сам воплотил, была ему явно по душе.

С любовью задержался возле аквариума с рыбками, подвел к книжным стеллажам, уставленным вплотную. Потом, когда подруга заспешила по делам, и мы остались вдвоём, он доставал с полок самые значимые для него томики. По каждой книге у него было собственное мнение.

— Бери, Марго, любую, — предложил щедро.

— Ты что, так легко готов расстаться с редкими изданиями?

Неловкая ситуация, вызванная моим дурацким вопросом, длилась секунду. Пётр с присущим ему юмором избавил меня от смущения. Он всё понимал про себя, про неизбежность скорой беды. Но тяжёлую тему эту ни разу не тронул.

Она возникла потом, в нашей переписке. Обсуждали моё очередное стихотворение, беседа касалась как раз вопросов жизни и смерти: «Узелок — бельё в платочке, снаряженьё на погост...»

Нерастроченную нежность, усмирённые желанья в уголке своей души отыскала как в комодё. В узелок их положил?

Пётр ответил: «Ещё «загружу» тебя — желанья и не-

жность пропадут в самый последний момент, мне так видится. Я имею в виду, что пока человек жив, есть чувство, что ещё есть возможность и РАСТРАТИТЬ и УСМИРИТЬ».

И он тратил, вернее, тратился. На нас. Когда ему оставались месяцы, потом недели...

«Привет, Марго! Наконец-то я сподобился, «вздолил» выполнить своё обещание, послал по почте, по мобиле до тебя не дозволился. Напиши потом в ОК, получила ли стихи Новикова?».

Стихи Новикова он набирал для публикации в газете «Двинский бережок».

В школе их троицу считали закадычными друзьями. На днях увидела выложенное в «Одноклассниках» воспоминание Славы Кетлерова, одно-

го из троицы: «В девятом классе до нас дошли «Битлы», и мы ими восхитились! Как писал В. Новиков, «жили-были три Битла: Кетлер, Боб и Борода». Самодельную гитару мудрили Пётр с Володей. И пытались писать свои, русские тексты к музыке Битлз». Новиков ушел из жизни первым, стихов своих не напечатал. И Пётр, уверенный, что Володя был самым из них талантливый в поэзии, хотел, чтобы стихи покойного друга читали люди. Очень непросто ему это далось, ведь сам был на грани, неслучайно вылезло это «вздолил».

Мой последний сборник читал долго и внимательно. С карандашом в руках. «Привет, Марго! Прочел первый раз и пишу первые впечатления. Очень понравились рассказы. По стихам первые ощущения — почерк твой, к технике нет претензий. Какие больше всего понравились: во-первых, те, в которых видна (В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ!) баба-стерва — например, «зачем метла, а я на ней летаю». Очень понравился последний раздел. И ещё, на мой субъективный взгляд, главная тема книги — сравнение ОЦЕНОК событий первоначальное и по прошествии порядочного количества времени и некоторое удивление от того, как они разнятся. Вот пока и всё. Есть и претензии, но до второго прочтения не буду спешить, если захочешь, потом поделись. Как твоя нога? В Каблуки едешь?».

Спустя время он позвонил и подробно по каждому стихотворению высказался. Чувствуя, что ему тяжело говорить, пыталась остановить, мол, потом дорасскажешь. Но он знал, что ПОТОМ не будет, и завершил обещанное. Не хотел оставлять долгов.

Воспоминания, воспоминания... Они не мучительны. Воспоминается хорошее. ...Вот наша первая встреча на Каблуковских литератур-

ных чтениях. Мы едва знакомы. На ночлег нам достался пустовавший много лет домик, заброшенный и закопченный. В передней комнате, которую убрали специально к приезду поэтов, разместились те из нашей группы, кто пошустрее.

Нам с Петром досталась задняя, куда нога человека явно давно не ступала. Сильно пахнет копотью, по стульям развешаны груды какие-то кофты, платки. Кровати, разумеется, без белья. Холодно, такое выдалось лето. Кутаем на себя всё, что есть в сумках, и валимся спать. Вообще-то я надеюсь, что мы ещё поболтаем. Но мой напарник отворачивается к стене и, чуток поскрипев пружинами, затихает.

Вспоминали с ним об этом в нашу последнюю встречу:

— Петро, а почему ты со мной тогда не заговорил? Я-то думала, меня охмурять при-мешься, а ты сразу задрых. — Нет, я долго не спал, просто думал, что тебе неловко в такой ситуации.

Очередные «Каблуки», мы, представите-ли западных

районов области, уже сплотились в крепкую группу. Держимся вместе. Официальная часть фестиваля завершена, но разве поэтов уложишь спать? За год столько нового накопилось для ночных бесед! И опять холод. Ёжусь, замерзая. Пётр, стоящий неподалеку, стягивает с себя джемпер и отдает мне. Никому другому это в голову не пришло. Потом, замерзая, бежит к постю, чтобы взять какую-нибудь одежду.

Ой, сколько таких примеров могла бы привести! Да что там говорить, незадолго до ухода он снова спрашивал с теплом и заботой: «Марго, как твоя нога?». А накануне уходя, явно отчаянно превозмогая себя, хрипло отвечал позвонившему бельскому поэту: «Прости, не могу говорить...».

Что, кроме воспоминаний, осталось у меня в память о нём? Аккуратно подклеенная его руками детская книжка: сборник юмористических стихов 1993 года выпуска. Её он когда-то читал своим дочкам. Переслал мне с оказией уже для моих внуков. Преодолея для этого путь до дома моей подруги, но на этаж уже не поднимался, трудно. Осталась красивая, хорошо иллюстрированная книга на глянце о динозаврах, как возможных прародителях человечества, подаренная им в последнюю встречу. Стоит на полке томик его стихов «Шведский стол», который на днях с таким восторгом прочла приятельница, приехавшая из Торолца. «Книга настоящего мужика, — заключила она, — достань мне такую. Нет, две достань. Вторую подарю, замечательный будет подарок».

И никак не выбросить из памяти ту аллею, с крупной мужской фигурой в её конце. Всем нам, каждому в свой час, придется пройти своей аллеей. Какими-то увидимся мы?

М. ПЕТРОВА.

На снимке: Пётр Бобунов читает свои стихи (крайний справа).